

НЕГЛАСНЫЙ КОМИТЕТ И ВОПРОС О МАЛОРОССИЙСКОМ КАЗАЧЕСТВЕ

Филиппова Наталья Павловна

*К.и.н., доцент, Рязанский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова
nathaliePF@mail.ru*

SECRET COMMITTEE AND THE QUESTION OF THE LITTLE RUSSIAN COSSACKS

N. Filippova

Summary: The article is devoted to the problem of finding ways to solve the peasant question in the government circles of the Russian Empire at the beginning of the XIX century. By the example of consideration of the issue of finding Cossack rights by the peasants of Little Russia (Malorossiya) at the meeting of the Secret committee (Neglassnyi komitet) on October 26, 1803, the consistent but cautious desire of its participants to find optimal approaches to solving the peasant question, including through a expansion rights estates, is shown.

Keywords: the history of Russia in the first half of the XIX century, domestic politics of Alexander I, Secret Committee, peasant question, Little Russia, Cossacks.

Аннотация: Статья посвящена проблеме поиска путей решения крестьянского вопроса в правительственных кругах Российской империи начала XIX в. На примере обсуждения вопроса о получении крестьянами Малороссии казачьих прав на заседании Негласного комитета 26 октября 1803 г. показано последовательное, но осторожное стремление его участников найти оптимальные подходы к решению крестьянского вопроса, в том числе путем постепенного, поэтапного расширения прав сословий.

Ключевые слова: история России первой половины XIX в., внутренняя политика Александра I, Негласный комитет, крестьянский вопрос, Малороссия, казачество.

Одним из самых заметных проявлений реформаторских устремлений правящей элиты Российской империи в первой половине XIX в. стали возникновение и деятельность Негласного комитета. Фактором, объединившим образованных представителей аристократии вокруг великого князя Александра Павловича, была общность политических убеждений и признание необходимости преобразований в государстве. Вступление на престол в марте 1801 г. нового императора трансформировало дружеский кружок во влиятельный неформальный орган, который дублировал, а в некоторых вопросах подменял формально существовавший Непременный совет как центр принятия важнейших политических решений.

Ход обсуждения вопросов высшего государственно-порядка запечатлел в так называемых «Протоколах Негласного комитета» на французском языке один из самых активных его участников граф П.А. Строганов [11; 12; 13]. Первые отдельные фрагменты переводов «протоколов» на русский язык содержались в трудах историка генерала М.И. Богдановича, их широко использовали в историографии советского и современного периодов [1]. Полная публикация этих рукописей на французском языке, выполненная великим князем Николаем Михайловичем в ходе изучения биографии П.А. Строганова, позволила сделать этот уникальный источник доступным последующим исследователям истории России начала XIX века [10]. Но при этом его богатое содержание полностью не исчерпано как отечественными, так и за-

рубежными исследователями.

В частности, большой интерес для понимания, как самого феномена правительственного реформаторства Российской империи, так и механизма принятия и реализации политических решений имеет такой, незначительный, на первый взгляд, эпизод, как обсуждение в Негласном комитете вопроса об «отыскании казачества» крестьянами Малороссии, который обсуждался на заседании 26 октября 1803 г. [13, л. 67–71]. К моменту заседания, о котором пойдет речь, некоторые из задуманных молодыми друзьями проектов уже были реализованы (реформирование коллежской системы и создание министерств, преобразование Сената, реформа системы образования), другие находились на стадии обсуждения [16]. В силу объективных причин сами заседания Негласного комитета уже не были столь регулярными как в предыдущие два года, так как после образования министерств в 1802 г. сотрудники императора заняли высокие управленческие должности: П.А. Строганов стал товарищем министра внутренних дел, А.А. Чарторыйский – товарищем министра иностранных дел, В.П. Кочубей был назначен на пост министра внутренних дел. Реформаторские взгляды молодых друзей оставались неизменными, а уже накопленный политический опыт позволял в узком кругу единомышленников осмыслить не только, то что, надо делать, но и то, как это следует делать.

Заседание 26 октября 1803 г. было посвящено, казалось бы, частному вопросу провинциальной жизни

огромной страны. Отметим, что протокол, составленный П.А. Строгановым, достаточно краткий, он резюмирует мнения членов комитета и не содержит уточняющих сведений или пояснений. Но этот вопрос был порожден важнейшей проблемой, которую объективно приходилось решать реформаторам. Как от доктринальных установок перейти к практической реализации планов по отмене крепостного права в стране с огромным разнообразием социально-экономических, природно-географических и религиозно-этнических факторов?

Одним из своеобразных регионов Российской империи была Малороссия. В отечественной гуманитарной традиции существуют различные трактовки географических рамок этого исторического региона, многообразие которых осложняется политическими факторами и разрывом единства историографических подходов в последние десятилетия на постсоветском пространстве. Можно согласиться с мнением Т.Ф. Литвиновой, что «в исторической литературе существуют определенные разногласия по поводу территориальной характеристики Левобережной Украины. Относительно конца XVIII – первой половины XIX века, останавливаясь при необходимости на районировании Украины, исследователи очерчивали в качестве Левобережья территорию бывшей Гетманщины, впоследствии Киевского, Черниговского, Новгород Северского наместничеств. С 1796 г. – Малороссийской губернии, с 1802 г. – Черниговской и Полтавской, или добавляли к данной территории и Харьковскую губернию» [7, с. 36].

При этом надо отметить, что до эпохи правления Николая I для современников границы Малороссии не включали соседнюю Харьковскую губернию, составляющую особый регион – «Слободскую Украину», «Слобжанщину», вошедшую в состав Малороссийского генерал-губернаторства только в 1835 г. Современный украинский исследователь В.В. Кравченко отмечает отсутствие общей идентичности между «малороссами» и «слобжанами»: «Между украинскими казацкими регионами долгое время сохранялось политическое соперничество и взаимное противостояние, вызванное определенными обстоятельствами политической жизни. <...> Недаром еще в конце XVIII – начале XIX века патриоты Малороссии высмеивали претензии слобжан именоваться казаками, презрительно называя их гречкосеями и чумаками. Действительно, политическая автономия Слобжанщины была намного уже, чем соседней Гетманщины, а зависимость от российского правительства, соответственно, больше» [5, с. 7].

Значительная часть населения Черниговской и Полтавской губерний, как впрочем, и Слободской, по традиции относилось к казачеству, хотя его юридический статус, как и других групп военно-служивого населения прошлой эпохи на данной территории не

был полностью определен. Фактически на территории, окончательно потерявшей автономный статус в 1782 г., когда на нее были распространены общие принципы имперского административно-территориального деления, в Гетманщине проживала многочисленная группа населения, составившая к началу XIX в. особое сословие, которое в официальных документах именовалось малороссийским казачеством, но не было объединено в особое войско. После русско-турецкой войны 1768–1774 гг. границы Российской империи расширились, и военное значение местного казачества уменьшилось. «Если у малороссийской сословной группы, официально признанной свободными казаками, сохранился, быть может, от всех прежних прав, вольностей, традиций лишь один воинственный дух, то нельзя того же сказать о злосчастных потомках вольных казаков, так или иначе не доказавших права на включение в реорганизованное Румянцевым сословие малороссийских казаков и попавших в крепостную зависимость», – писал известный дореволюционный исследователь этого региона Н.В. Стороженько [15, с. 34].

Несмотря на то, что малороссийские казаки утратили уже множество своих свобод и привилегий, их положение нельзя было сравнивать с тяжким, бесправным положением крепостных крестьян. Поэтому значительная часть сельского населения Черниговской и Полтавской стремилась «отыскивать» свои утерянные казачьи права, что облегчало миграцию на территории соседних, относительно слабозаселенных в тот момент, регионов (Харьковской и Екатеринославской губерний, Земель войска Донского), где крепостное право еще только оформлялось. Этим стремлениям способствовало появление указа Павла I «О восстановлении в Малороссии правления и судопроизводства сообразно малороссийским законам» от 30 ноября 1796 г. и коронационного манифеста Александра I от 15 сентября 1801 г., который подтверждал дарованные в предшествующие царствования льготы [8; 9].

Отсутствие точных указаний к производству дел по поводу «отыскания» Малороссами казачества и все возрасставшее количество исков побудило местные власти обратиться в столицу за разъяснениями для установления единообразия в решении подобных вопросов. В частности, прокурор Черниговской губернии обратился к Сенату с запросом о том, следует ли руководствоваться при принятии решения и документами из компутов (списков реестровых казаков, составленных в 1783 г. – прим. автора) и свидетельскими показаниями жителей или же довольствоваться чем-то одним. Сенат указом от 2 июля 1803 г. предписал при разрешении исков о казачестве руководствоваться одним из двух: или справками или устными показаниями, данными под присягой, пояснив о неприменении срока десятилетней давности при возбуждении подобных исков. Н.С. Стороженько вполне

справедливо указывал, что разъяснение Сената о неприменении десятилетней давности к искам о казачестве существенно увеличило их число: «Малороссийский генерал-губернатор князь А.Б. Куракин доносил, что по силе указа Сената о не отношении по делам ищущих вольности людей десятилетней давности, малороссийский народ, будучи подстрекаем тамошними юристами, целыми селениями поднялся на подачу просьб об отыскании казачества, и многие из них вообразили, что подав просьбу, можно уже и не слушаться помещиков» [15, с. 35].

Можно предположить, что именно этот июльский указ Сената, вызвавший «большое возбуждение» в малороссийских губерниях, как со стороны помещиков, так и со стороны крестьянства, и явился поводом к обсуждению этого вопроса в Негласном комитете. На заседании 26 октября 1803 г. он собрался в полном составе, присутствовали П.А. Строганов, А.А. Чарторыйский, В.П. Кочубей и Н.Н. Новосильцев, председательствовал по традиции император Александр I. Изучение протоколов свидетельствует, что позиции членов Негласного комитета по конкретным вопросам совпадали не всегда. Не стало исключением и заседание, о котором идет речь. По мнению императора, проблема «отыскания» крестьянами Малороссии казачьих прав должна была решаться в русле уже начатых им преобразований. Поэтому в ходе заседания Негласного комитета 26 октября 1803 г. Александр I высказался против отмены вышеупомянутого указа Сената, как это предлагал Непременный совет, так как это шло вразрез с его планами эмансипации крестьян в общероссийском масштабе.

П.А. Строганов связывал дело о малороссийских казаках с политическим правом, которое не может «предлежать давности». Человек, указывал он, от рождения получает право на свободу и на собственность, которую он приобрел своим трудом (если только по какой-либо причине или уговору он не должен ее отдать): «У нас крестьяне не суть свободны и не имеют собственности и малости. Поэтому переход к естественному состоянию, т.е. к свободе и праву собственности необходим». Однако П.А. Строганов полагал, что нельзя неожиданно перейти от одного состояния к другому, не могут «древние законы влиять на политические права и заменять их». Это правило должно распространяться на дело о казаках Малороссии, которые имеют, конечно, свои права на казачье состояние, т.е. на свободу, хотя «отыскание» такого состояния подвержено трудностям и влечет большие неудобства [10, с. 233]. Открыть поселянам такую дорогу отыскания прав, по мнению П.А. Строганова, может быть очень опасным и иметь негативные последствия. Так, например, поселяне могут оставить свое хозяйство, чтобы заниматься исками, решение по которым сложно принять в связи с давностью дела и отсутствием письменных источников и доказательств. Кроме того, занимаясь

исками, привыкнув к тяжбе и ябедничеству, они могут остаться без ресурсов и обеднеть, чего хотелось бы избежать. Другими словами, судебные разбирательства могут иметь «чувствительные и пагубные последствия» для благосостояния этих людей. «Они же должны войти в общую массу всех наших поселян, о состоянии коих столько пекутся. Всякое общество при удобном случае может восстановить свои утраченные права, оно имеет также право ожидать от своего правительства решения вопроса о пользовании преимуществами без каких-либо неудобств. Оно может сказать правителю: вот мое право неотъемлемое, я должен пользоваться им; но пекись о том, чтобы мне возратить его таким образом, чтобы оно не служило к большему моему вреду» [10, с. 233].

П.А. Строганов, Н.Н. Новосильцев и А.А. Чарторыйский высказались против отмены указа Сената, который имел определенные правовые основания, и предлагали найти решение, которое успокоит крестьян и помешает им оставить полевые работы, чтобы заняться, возможно, бесплодным «отысканием» своих прав. П.А. Строганов полагал, что в данном случае надо изыскать такой способ действия, при котором поселяне не были бы вынуждены заниматься этим делом, а правительство само озабочилось бы утверждением их казачьего звания на «лучших и обоюдных сторонах полезнейших правилах» [10, с. 234]. С возражениями выступил В.П. Кочубей, имущественные интересы которого, как крупного землевладельца Полтавской губернии, этот вопрос затрагивал непосредственно. Он высказал особое мнение, отличающееся от суждений императора Александра I и остальных сотрудников. По его заявлению, с 1783 г., когда Малороссия встала в один ряд с другими провинциями империи, для нее не могло существовать никаких особых прав и поэтому нет никаких препятствий к тому, чтобы просто аннулировать указ Сената.

Все присутствующие сошлись на том, что сам вопрос возник в связи с ошибкой, допущенной изначально Г.Р. Державиным, уволенным незадолго до заседания (7 октября 1803 г.) с должности министра юстиции и генерал-прокурора Сената, который дал этому делу ход, а не приостановил его. После обсуждения вопроса император согласился с необходимостью «успокоить умы» и распорядился, чтобы сотрудники комитета в деталях ознакомились с делом и представили свои соображения в наилучшем виде на следующем заседании. В последующих протоколах нет записи о продолжении обсуждения вопроса об «отыскании» крестьянами Малороссии казачьих прав. Возможно, намеченное заседание не состоялось или по какой-то причине не было зафиксировано.

Тем не менее, обсуждение в Негласном комитете этого вопроса не прошло бесследно. Его итогом стало разъяснение Сената в новом указе от 3 декабря 1803 г., согласно которому указ от 2 июля был неверно истол-

кован местным населением вследствие ложных представлений о том, кто имеет право именоваться казаком и претендовать на это звание. Издавна звание казаков делилось на разные степени, у которых и права были различны. Сенат пояснял, что с 1765 г. свободными считались те казаки, которые были известны как реестровые или выборные. Прочие, т.е. «казаки-подпомощники» и «казаки-подсуседки», равно как и наемники выборных казаков таковыми не считались. Согласно указу 3 мая 1783 г., который юридически закрепил крепостное право на существовавших тогда на территории бывшей Гетманщины Киевского, Черниговского и Новгород-Северского наместничеств, выборные казаки зачислялись в реорганизуемое казачье сословие в соответствии с реестровыми списками 1782 г. «Поэтому Сенат считал подлежащими рассмотрению лишь иски о казачестве выборных казаков или их потомков, потерявших, почему-либо свободу». При таком толковании все иски такого рода приурочивались к третьей ревизии 1782 г. и указу 1783 г., так как до этого времени, по мнению Сената, «вольного человека укреплять за собой никто никакой выгоды не имел, потому, что переход по Малороссии был свободен, отчего и случаи к отысканию вольности могли быть очень редки» [15, с. 36].

Кроме того, Сенат дал подробную инструкцию, которой надо было руководствоваться при рассмотрении исков об «отыскании» казачества: «Отыскивающий казачества должен был составить иск, предъявить соответствующие письменные документы о том, что он происходит от предка, служившего казаком и состоявшего в реестре выборных казаков, или так называемом компуте, и таковым числился до самой ревизии 1782 года, но при оной, или в последующее затем время, в числе владельческих подданных написан для укрепления несправедливо». Доказательства сему должны были быть ясными и достоверными, а двенадцать свидетелей из числа дворян, казаков, помещиков или мещан должны были под присягой подтвердить казачье происхождение просителя. Если при рассмотрении иска оказывалось, что проситель по ревизии 1782 г. числился ещё казаком и был закреплён после этой ревизии, то поветовые суды должны были делать немедленно распоряжение об освобождении из крепостной зависимости, хотя бы со стороны владельца и был заявлен протест» [6, с. 209]. Такое разъяснение Сената позволило сократить количество исков об «отыскании казачества», поданными местными властями, и способствовало уменьшению напряженности в регионе.

Эта проблема, поставленная на повестку дня в Негласном комитете, перекочевала из века предыдущего и не могла иметь простого решения, в том числе и потому, что процесс интеграции окраинных территорий в юридическую систему Российской империи еще не был окончательно завершен. При этом можно предпо-

ложить, что в Малороссии, как и в целом ряде других регионов огромной страны, шел сложный процесс взаимодействия двух социально-экономических тенденций. Применительно к Полтавской и Черниговской губерниям Т.Ф. Литвинова определила его следующим образом: «Оформление крепостнической системы в украинских регионах проходило одновременно с ее разложением. Отсюда для всех социальных групп, и в большей степени для дворян помещиков и крепостных крестьян, возникла проблема, так сказать, двойной адаптации. Кроме того, формирование крепостнического строя здесь сопровождалось, хотя и медленными, модернизационными процессами» [7, с. 18].

Вопрос об «отыскании» казачьих прав, как часть проблемы юридического и социального статуса военно-служивого населения окраин Российской империи, был порожден уникальными исторически сложившимися традициями и был для властей сложным для разрешения. С одной стороны, военно-стратегические потребности, с другой – необходимость поддержания стабильности в обширных регионах, требовали признания особого статуса целых групп населения. Это привело к существованию вплоть до начала XX в. в России такого социально-политического феномена, как казачество в позднимперский период. Но его формирование как особого привилегированного сословия входило в противоречие с задачей успешной инкорпорации в состав правящего сословия землевладельческих элит окраинных территорий. В ходе заседания Негласного комитета 26 октября 1803 г. их интересы ясно выразил В.П. Кочубей. Уроженец Малороссии, он решительно выступил против признания особых прав и привилегий местного населения, связывая свои собственные интересы и интересы себе подобных представителей местного дворянства с общеимперской унификацией положения всех групп податного сословия.

В тоже время надо признать, что дискуссия, возникшая на заседании 26 октября 1803 г., позволяет сделать вывод о том, что колебания императора Александра I и его соратников по Негласному комитету свидетельствуют, как бы это не парадоксально звучало, о серьезности их намерений, связанных с отменой крепостного права. Они надеялись, что эта реформа, как и другие намечаемые ими преобразования, должна укрепить империю, а не стать причиной нарастающих конфликтов и противоречий. Основанное, как на доктринах века Просвещения, так и на растущем политическом опыте, их понимание того, что даже абсолютной власти просвещенного монарха недостаточно для одномоментного изменения существующих в огромной стране правовых норм и социальных традиций, соответствовало реалиям российской действительности.

В спорах исследователей о том, насколько серьезны-

ми были реформаторские планы императора Александра I и его сторонников из числа бюрократии и дворянства в отношении крепостного права, наиболее убедительной представляется позиция М.М. Сафонова о том, что Александр I имел свою «крестьянскую программу», которую он намеревался реализовать на протяжении всего царствования [14]. Подтверждением этому является и скрупулезное исследование дворянских проектов крестьянской эмансипации начала XIX в. осуществленное А.Н. Долгих [2; 3; 4]. Обсуждение в Негласном комитете 26 октября 1803 г. вопроса об «отыскании» крестьянами Малороссии казачьих прав, как и другие его заседания, свидетельствуют о последовательном, хотя и осторож-

ном, стремлении его участников найти оптимальные подходы к решению крестьянского и связанных с ним других сословных вопросов. Позицию императора и его единомышленников по Негласному комитету сформулировал вполне разделяющий ее Ф.-С. Лагарп, писавший, что вопрос «о крепостном праве, это вопрос, который очень легко решают в кабинете, но с величайшим трудом в действительной жизни. Во всяком случае, вопрос этот должен быть решаем постепенно, без шума и тревоги, а главное, без малейшего посягательства на права собственности» [17, с. 49–50]. Этим путем, методом проб и ошибок, власти Российской империи в итоге пришли к крестьянской реформе 1861 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время: В 6 т. СПб.: тип. Ф. Сушинского, 1869. Т. 1. 539 с.
2. Долгих А.Н. Александр I и дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в первой четверти XIX в. // Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сборник научных статей. СПб.; Киев; Минск: Нестор-История, 2008. С. 279–284.
3. Долгих А.Н. Вопрос об освобождении владельческих крестьян в политике Александра I в 1801–1803 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2009. № 1. С. 40–45;
4. Долгих А.Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике самодержавия в конце XVIII – первой половине XIX в.: В 2 т. Липецк: Изд-во Липецкого государственного педагогического университета, 2006. Т. 1. 308 с.; Т. 2. 356 с.
5. Кравченко В.В. Харківський університет в першій половині XIX століття // Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років. Харків: Фолю, 2004. 750 с.
6. Лисниченко А.И., Шило Н.И. Малороссийские казаки в войнах XIX века // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 4. Краснодар; Киев: Эдви, 2010. 340 с.
7. Литвинова Т.Ф. «Помещичья правда». Дворянство Левобережной Украины и крестьянский вопрос в конце XVIII – первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 386 с.
8. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. XXIV. № 17594.
9. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. XXVI. № 20011.
10. Романов Н.М. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи Александра I: В 3 т. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1903. Т. 2. 488 с.
11. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 10.
12. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 11.
13. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 12.
14. Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII – XIX вв. Л.: Наука, 1988. 249 с.
15. Стороженко Н.В. Очерк из истории малороссийских казаков в конце XVIII и в начале XIX века. Киев: тип. Университета св. Владимира, 1898. 104 с.
16. Филиппова Н.П. Негласный комитет и проблема реформирования России: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2017. 23 с.
17. Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. Т. 1. 408 с.

© Филиппова Наталья Павловна (nathaliePF@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»